

политика

И.В.Задорин, И.В.Подобед
**РУССКИЙ ЯЗЫК В СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ:
 ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ
 ФАКТОРЫ РАСПРОСТРАНЕННОСТИ
 И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ¹**

¹ Основные тезисы статьи были представлены в выступлениях авторов на конференциях 2017—2018 гг. (см., напр. <http://www.zircon.ru/upload/iblock/3ee/dinamika-rasprostranennosti-russkogo-yazyka-v-bytovom-obshechenii.pdf>).

Игорь Вениаминович Задорин, руководитель Исследовательской группы ЦИРКОН, исполнительный директор Международной ассоциации исследовательских агентств «Евразийский монитор», старший научный сотрудник Института социологии РАН (ФСНИЦ). Для связи с автором: zadorin@zircon.ru.

Илья Владимирович Подобед — магистр Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Для связи с автором: dokrog@yandex.ru.

Аннотация. В статье рассмотрены основные тенденции в использовании русского языка на территории Северной Евразии (в бывших советских республиках) и факторы, влияющие на степень его распространенности. Проанализированы особенности и динамика языковой ситуации в каждой постсоветской стране (за исключением России и Туркменистана), дана характеристика положения дел в столицах, среди молодежи и лиц с высшим образованием. Проведена типологизация бывших советских республик по степени распространенности в них русского языка.

Эмпирическую базу исследования составляют материалы мониторинговых опросов населения, проведенных Международной ассоциацией исследовательских агентств «Евразийский монитор» в 2006—2017 гг. В центре внимания авторов — уровень применения русского языка в бытовом общении, определяемый через процентное распределение ответов на вопрос: «Скажите, на каком языке Вы обычно общаетесь в семье, дома?». В ходе исследования использованы также данные о правовом положении русского языка в различных странах субконтинента, в том числе принятые в них законодательные акты, касающиеся языковой политики.

Проведенный анализ фиксирует общий тренд на постепенное сокращение распространенности русского языка в странах бывшего СССР, в основе которого лежат как демографические процессы (снижение доли русского населения и смена поколений), так и политические факторы (нормативные меры, ограничивающие использование русского языка в делопроизводстве, СМИ, образовании и влияющие на его употребление в быту). Вместе с тем авторы

выделяют ряд факторов, работающих на сохранение и даже укрепление позиций русского языка, в том числе своеобразную «элитарность» его использования и развитие Рунета как мощной платформы русскоязычной коммуникации.

Ключевые слова: постсоветские страны, Северная Евразия, языковая политика, русский язык, Евразийский монитор

Введение

Распад Советского Союза (или, точнее, Российской империи, в последние десятилетия своего развития существовавшей в форме СССР) поставил вопрос о степени реальной хозяйственной связанности распадающейся территории (политического пространства) и социокультурной близости народов, ее населяющих. Подобно тому как реальная стоимость любой вещи определяется только во время ее продажи, реальное единство, желание и необходимость союзничества (интеграции) проявляется лишь в состоянии разделения. В связи с этим почти 30-летняя история «постсоветского мира» лучше всего показывает, в каких аспектах и между какими странами бывшего СССР были и есть основания для (ре)интеграции, а в каких их не было или нет.

Одним из ключевых индикаторов единого социально-политического пространства является единое информационное поле, для которого, в свою очередь, необходима единая знаковая система, понятная всем реципиентам информации, — *общий язык*². Другими словами, наличие/отсутствие общего языка коммуникации — важнейший фактор единства/распада любой социально-политической общности. Поэтому вопрос нормативного языка делопроизводства и принятого языка общения в бывших республиках СССР (да и во всех странах с более или менее полиэтничным составом населения) носит политический характер. В условиях «постсоветского мира» то или иное решение этого вопроса наглядно демонстрирует, какое международное позиционирование в новых реалиях предпочитает правящая элита соответствующей страны.

Как свидетельствует история распадов британской, испанской и французской империй, даже когда отдельные части ранее единой (в политическом смысле) территории обретают политическую и экономическую субъектность, они далеко не всегда отказываются от таких элементов имперского наследия, как язык, религия, культура. Напротив, эти элементы зачастую в том или ином виде используются новыми субъектами (государствами) как ресурс для дальнейшей коммуникации и с бывшей метрополией, и с другими частями некогда единого целого, да и с остальным миром, которому на основе подобного «наследия прошлого» может быть предъявлен понятный и в какой-то мере знакомый образ. Ценность этого «наследия» (в сравнении с ценностями национальной самобытности или культурных норм возможных новых центров притяжения) — важнейший вопрос для любого вновь образованного политического субъекта-государства (а точнее, господствующей национальной элиты), определяющий всю дальнейшую политику

² Арутюнов и Чебоксаров 1970.

в области языка, религии, культуры, миграции и т.п. От ответа на него во многом зависит, возникнут ли предпосылки для создания новой общности (и поддержания еще сохраняющейся), либо же части распавшейся страны будут все больше отдаляться друг от друга.

Примечательно, что из 10-ти аспектов гуманитарной интеграции бывших советских республик (образование и наука, массовая культура, спорт, туризм, миграция, семья и брак, язык, религия, информационное пространство, общественное мнение) многочисленные эксперты — участники пилотного социологического исследования «Показатели и индексы межгосударственного гуманитарного сотрудничества», проведенного в 2017 г. Международной ассоциацией исследовательских агентств «Евразийский монитор» совместно с АНО «Евразийское содружество»³, на первое место по значимости поставили именно язык. Иначе говоря, формирование (восстановление) общего языкового пространства было признано специалистами главным фактором гуманитарной (ре)интеграции этих республик.

На протяжении многих лет общим государственным языком и языком межнационального общения для стран бывшего СССР был *русский*, и его правовой статус и распространенность в этих странах в постсоветский период служит важным показателем сохранения/разрушения фундамента социальных, экономических и политических связей в Северной Евразии⁴. К сожалению, информация о реальной распространенности русского языка в странах субконтинента отличается неполнотой и противоречивостью и зачастую подвержена искажениям, вызванным политическими и/или идеологическими факторами. Крайне мало независимых источников, аккумулирующих информацию по этой проблематике в регулярном режиме.

Важным источником информации о языковой ситуации в той или иной стране являются данные социологических исследований и опросов населения. В 2007—2012 гг. Ассоциация «Евразийский монитор» (ЕМ), объединяющая и вовлекающая в общие проекты исследовательские организации всех стран Северной Евразии, по заказу и при поддержке различных стейкхолдеров осуществила несколько тематических проектов по изучению распространения русского языка и потребления русскоязычной информации⁵. После 2012 г. интерес к теме со стороны «ответственных» ведомств и фондов иссяк, и участники ЕМ лишь по собственной инициативе включали в свои анкеты один-два вопроса, связанных с языковым поведением. Тем не менее на сегодняшний день в распоряжении исследователей есть уникальный массив данных за 12-летний период (с 2006 по 2017 г. включительно), на основе которого можно анализировать динамику изменений языковых групп по странам, структуру говорящих на тех или иных языках, а также общие языковые тенденции в северо-евразийском пространстве. Краткие характеристики этого массива приведены в *таб. 1*. Мониторинговое исследование на платформе ЕМ (проводимые дважды в год репрезентативные общенациональные опросы омнибусного типа)

³ В исследовании участвовали 60 экспертов из 10 постсоветских стран. Подробнее см. Показатели 2017.

⁴ Помимо бывших республик СССР, к Северной Евразии принято относить и Монголию, однако в настоящем исследовании она выведена за скобки.

⁵ Список исследований см. https://eurasiamonitor.org/issledovaniia_tablitsa, в том числе по теме русского языка: *Русский язык в новых независимых государствах 2007*; *Русский язык на постсоветском пространстве 2009*; *Аудитория 2012*.

⁶ Кроме Туркменистана — ввиду отсутствия полных данных по этой стране.

даже по одному показателю — уровню использования языка в бытовом общении — позволяет не только измерить широту присутствия русского языка в странах бывшего СССР⁶, но и зафиксировать социально-демографические группы, в которых русский язык преобладает или, наоборот, менее распространен. Благодаря анализу данных в динамике эта работа открывает возможность для выявления тех моделей, по которым менялся и может меняться в дальнейшем языковой баланс в постсоветском мире.

Таблица 1 Характеристики массива данных опросов населения стран Северной Евразии (ЕМ, вопрос: «Скажите, на каком языке Вы обычно общаетесь в семье, дома?», 2006–2017 гг.)

Страна	Число опросов		Обычный объем выборки (чел.)	Исполнитель
	2006—2011	2012—2017		
Азербайджан	7	4	1000	Международный центр социальных исследований
Армения	8	10	1000	MPG и Армянская ассоциация маркетинга
Беларусь	12	9	1100	Лаборатория «НОВАК»
Грузия	3	6	1000	Институт социальных исследований и анализа (до 2011 г.), The Institute for Polling and Marketing (с 2012 г.)
Казахстан	9	11	1050	Центр социальных и политических исследований «Стратегия», Исследовательский институт «Общественное мнение» (Астана)
Кыргызстан	3	8	1000	Центр изучения общественного мнения и прогнозирования «Эл-Пикир»
Латвия	5	1	1000	SKDS (Рига)
Литва	5	0	1000	UAB «Baltijos Tyrimai»/ Baltic Surveys (Вильнюс)
Молдова	8	9	1100	Centre for Sociological Investigations and Marketing «CBS-AXA»
Россия	4	7	1600	ВЦИОМ и Исследовательская группа ЦИРКОН

**Таблица 1
(продолжение)**

Страна	Число опросов		Обычный объем выборки (чел.)	Исполнитель
	2006—2011	2012—2017		
Таджикистан	4	7	1000	ОО ЦСПИ «Коршинос»
Туркменистан	0	1	1000	MCT Agency. Business Development Solutions
Узбекистан	3	4	1000	Center for Social & Marketing Research «Ekspert Fikri»
Украина	12	7	2000	Research & Branding Group
Эстония	2	1	1000	Saar Poll (Таллинн)

В настоящей статье задействованы данные о процентных распределениях ответов на вопрос: «Скажите, на каком языке Вы обычно общаетесь в семье, дома?». Иными словами, распространенность русского языка измерялась по уровню его применения в бытовом общении. Очевидно, что этот показатель раскрывает лишь один из аспектов присутствия языка в коммуникационном пространстве страны. Однако он хорошо коррелирует с другими показателями, такими как владение русским языком, его использование в профессиональной сфере и т.п.⁷, и потому может служить основанием для общих оценок распространенности.

⁷ См. *Русский язык в новых независимых государствах 2007.*

С момента распада СССР изменения в степени распространенности русского языка среди населения возникших на его территории стран во многом определялись политической обстановкой в этих странах и принимаемыми в них политическими решениями. В большинстве стран Северной Евразии языковая политика является неотъемлемой частью национальной политики: почти везде существуют законы, регулирующие языковые практики, а само использование государственного или иного языка в бытовом и деловом (профессиональном) общении воспринимается как индикатор лояльности или нелояльности. Таким образом, *политический фактор* влияет на распространенность русского языка как непосредственно (через ограничения в официальном и/или профессиональном употреблении, образовательную политику, политику в отношении СМИ и т.п.), так и косвенно — через стимулирование определенных миграционных процессов и регулирование национальной структуры общества (*демографический фактор*).

**Типология
постсоветских стран
по языковому
балансу**

⁸ Там же.

Текущее положение русского языка в разных странах бывшего СССР весьма различно. Еще в исследовании 2007 г.⁸ были выявлены три основных параметра, влияющих на это положение: 1) доля русских в составе населения; 2) правовой статус русского языка; 3) восприятие русского языка как ресурса, повышающего конкурентоспособность индивида на рынке труда (в том числе внешнем) и при получении образования.

Очевидно, что распространенность того или иного языка определяется не только наличием аутентичных носителей (долей соответствующего этноса), но и степенью владения этим языком всего населения, включая иноязычных, а также характером языковой среды и социальных норм, которые отражаются, помимо прочего, на уровне использования языка в бытовом и деловом общении.

Основные показатели, характеризующие состояние русского языка в странах Северной Евразии, приведены в *табл. 2*.

Таблица 2 Показатели распространенности и использования русского языка в странах Северной Евразии (по данным госстатистики и опросов ЕМ)

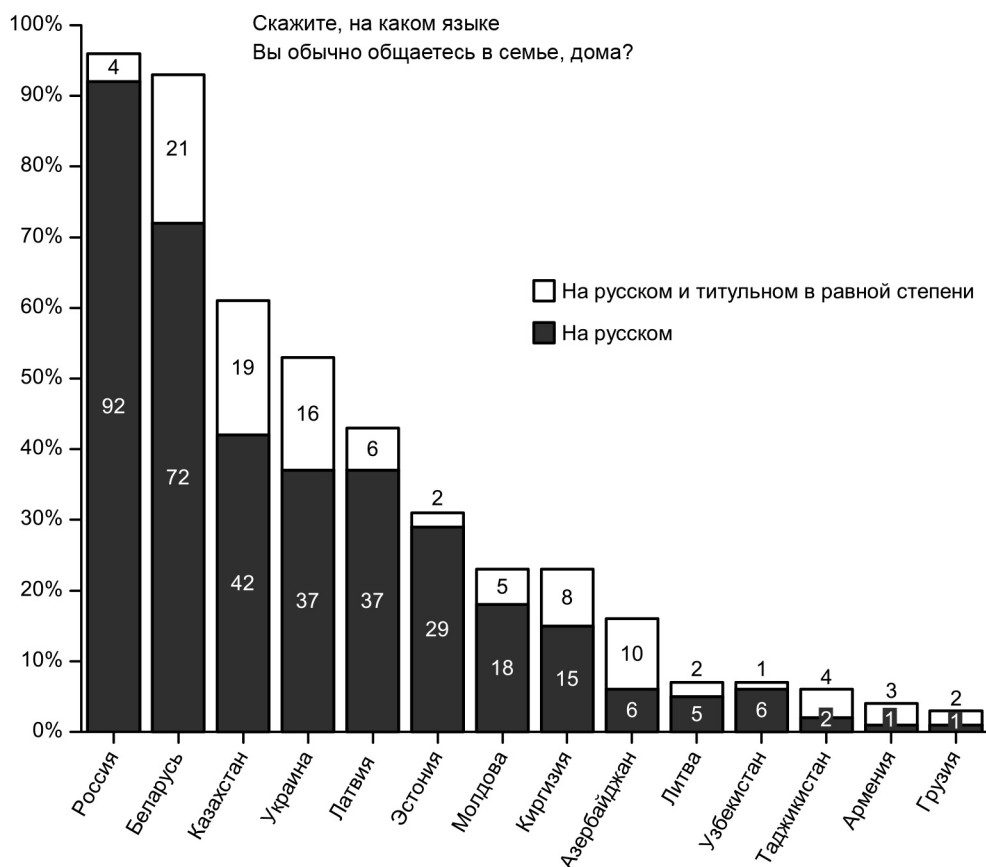
Страна	Доля русских в населении страны		Доля респондентов, свободно владеющих русским языком (самооценка)		Средняя доля респондентов, общающихся дома на русском или на русском и титульном языках в равной степени	
	Доля	Год	2007	2013	2006—2011	2012—2017
Азербайджан	1,3%	2009	41%	31%	18%	11%
Армения	0,4%	2011	50%	48%	6%	2%
Беларусь	8,3%	2009	96%	97%	91%	97%
Грузия	0,7%	2014	49%	45%	4%	3%
Казахстан	21,5%	2014	84%	88%	60%	62%
Кыргызстан	7,2%	2011	57%	61%	26%	21%
Латвия	26,9%	2011	79%		44%	41%
Литва	5,8%	2011	49%	46%	8%	
Молдова	4,1%	2014	70%	81%	24%	23%
Россия	80,9%	2010			95%	96%
Таджикистан	0,5%	2010	56%	33%	10%	4%
Туркменистан ⁹	5,1%	2012				43%
Узбекистан	2,6%	2013		24%	7%	7%
Украина	17,3%	2001	83%	84%	52%	54%
Эстония	24,8%	2011	56%	55%	32%	28%

⁹ Поскольку достоверность данных по использованию русского языка в этой стране вызывает сомнения (проведен только один опрос, причем лишь в крупных городах), она исключена из сравнительного анализа.

¹⁰ Здесь и далее данные опросов ЕМ.

Доля респондентов, декларирующих бытовое общение преимущественно на русском или на русском и титульном в равной степени¹⁰, хорошо коррелирует с долей русского населения в стране, при этом везде превышая ее. Иными словами, на русском языке в «постсоветском мире» говорят далеко не только те, кто относит себя к «русским» (см. рис. 1).

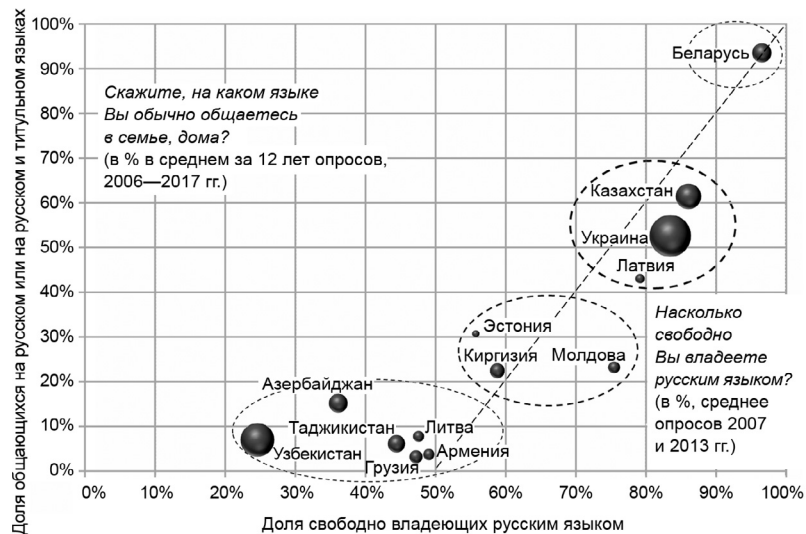
Рисунок 1 Доля респондентов, декларирующих бытовое общение преимущественно на русском или на русском и титульном языках в равной степени (среднее значение за 2006–2017 гг. в %)

С точки зрения языкового баланса (то есть сочетания уровней владения русским языком и общения на нем) постсоветские страны можно разделить на четыре группы (см. рис. 2).

Рисунок 2 Типология стран Северной Евразии по языковому балансу¹¹

¹¹ Площадь кружка пропорциональна численности населения страны.

Первую группу образуют *Беларусь* и *Россия*. И там, и там русский язык не имеет конкурентов, и именно на нем говорит дома подавляющее большинство граждан, включая молодежь («будущее страны»), которая в этом плане не отличается от населения в целом. Но если в России такое положение русского языка есть следствие естественного доминирования в составе населения государствообразующего этноса (81% по переписи 2010 г.), то в Беларуси ситуация другая.

Хотя, согласно переписи 2009 г., 84% жителей Беларуси определяют себя как белорусов (при доле русских около 8%), сама белорусская идентичность не привязана к владению белорусским языком. В этом плане довольно симптоматично, что в свое время президент Беларуси даже позволял себе высказывания типа «белорус — это русский со знаком качества» (правда, сегодня, когда отношения между Москвой и Минском утратили былую идилличность, его риторика сильно изменилась).

Ко второй группе относятся *Казахстан*, *Украина* и *Латвия*, где наблюдается определенный раскол по языковому признаку. В бытовом общении исключительно русский или русский наравне с титульным здесь использует от 40 до 65% населения, причем если на Украине и в Казахстане существуют зоны смешанного применения двух языков, то в Латвии они четко разделены, и в основе размежевания лежит не географический, а этнический принцип. Важно отметить, что во всех трех странах значительную долю населения составляют русские: 17% — на Украине (по состоянию на 2001 г.¹²), 19% — в Казахстане (по состоянию на 2020 г.), 27% — в Латвии (по состоянию на 2011 г.). Подобная структура населения создает благоприятную почву для сохранения языковой

¹² К сожалению, более свежих данных государственной статистики по Украине нет, однако опросы 2006—2008 гг. дают сходные цифры (17—18%).

среды, что, в свою очередь, стимулирует самовоспроизводство носителей русского языка, несмотря на институциональное противодействие (на Украине и в Латвии).

В третью группу входят *Эстония, Молдова и Киргизия*, в которых в той или иной степени использует русский язык от 20% до 30% населения. По типу динамики эти страны весьма существенно различаются: если в Эстонии доля использующих русский среди молодежи значительно ниже среднего значения по стране, то в Киргизии ситуация обратная. Ситуацию в Молдове оценить сложно, так как в русскоязычном Приднестровье опросы не проводились. Без учета Приднестровья в Молдове русские составляют немногим более 4% населения (по состоянию на 2014 г.), в Киргизии — около 6% (по состоянию на 2018 г.), в Эстонии — 25% (по состоянию на 2018 г.). К той же группе может быть причислен и *Туркменистан* (доля русских по состоянию на 2012 г. — более 5%), однако, как уже отмечалось, данные по использованию русского языка в этой стране не могут быть признаны достоверными.

Четвертая группа включает в себя *Литву, Таджикистан, Узбекистан, Азербайджан, Грузию и Армению*. За исключением Азербайджана, где в период после 2012 г. в той или иной степени использовало русский язык примерно 12% населения, доля русскоговорящих в этих странах не превышает 10%, а доля русских почти нигде не дотягивает до 2,5%: в Узбекистане их немногим более 2%, в Таджикистане — 0,5%, в Азербайджане — чуть более 1%, в Грузии — 0,7%, в Армении — 0,4%, и только в Литве (согласно переписи 2011 г.) эта доля составляет 5,8%. Практически во всех странах данной группы русскоговорящие сконцентрированы в столицах. Бросается в глаза, что в рассматриваемых странах почти нет жителей, которые бы говорили исключительно по-русски, что свидетельствует об отсутствии в них соответствующей языковой среды. Молодежь в этих странах знает русский язык значительно хуже других поколений. Учитывая отсутствие русскоязычной среды, представляется крайне сомнительным, чтобы даже широкие гуманитарные программы могли изменить здесь языковой баланс и хоть сколько-нибудь повысить использование русского языка. В ряде стран этой группы (прежде всего в Азербайджане, Узбекистане и Литве) заметные русскоязычные сектора имеются в столицах, но в остальных нет и этого.

Рассмотрим подробнее динамику использования русского языка в постсоветских странах в период 2006—2017 гг.

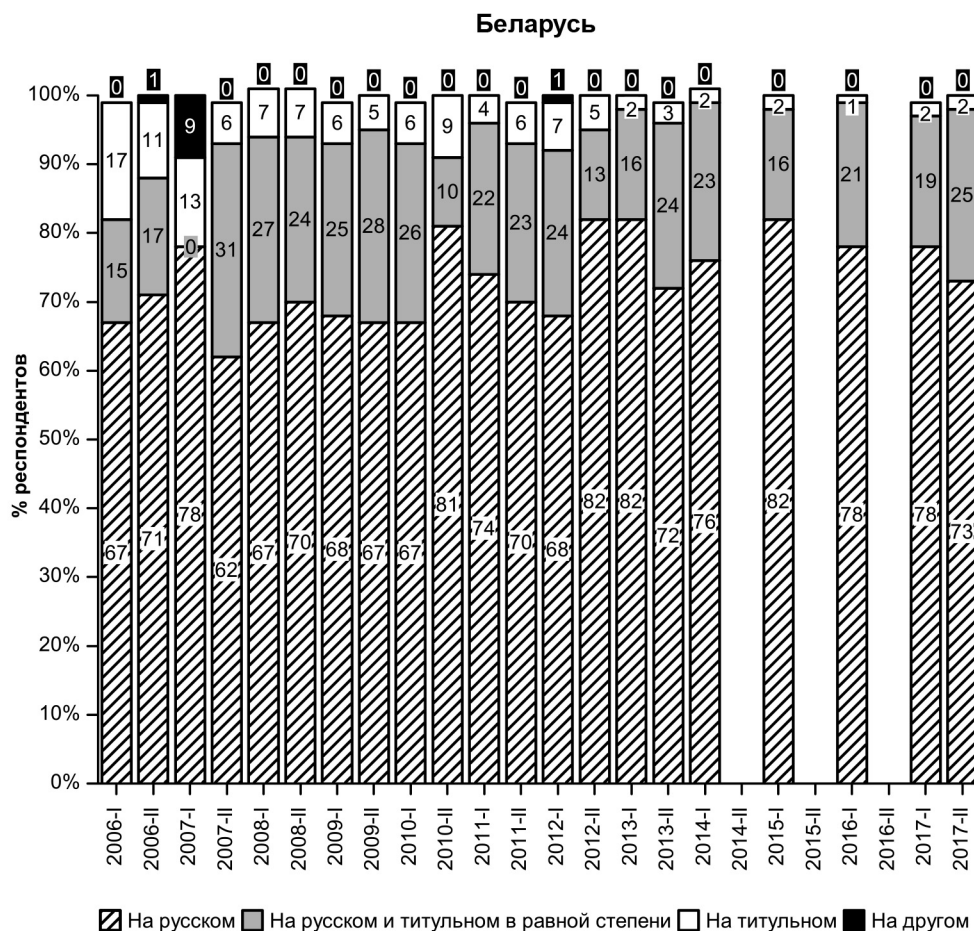
**Динамика
распространенности
и бытового
использования
русского языка
в бывших советских
республиках**

Первая группа

Беларусь. Среди бывших союзных республик (за вычетом России) Беларусь остается самой русскоговорящей страной. Государственный статус русского языка в ней закреплен в ст. 17 Конституции, а также в законе «О языках в Республике Беларусь». Как видно из *рис. 3*, с конца 2007 г. доля русскоговорящих там даже немного выросла, причем если количество респондентов, в чьих семьях говорят и на русском, и на

белорусском, не изменилось, то число говорящих дома исключительно по-белорусски существенно сократилось и в абсолютных показателях крайне невелико. Если осенью 2007 г. их доля составляла 6%, то осенью 2017 г. — лишь 2%.

Рисунок 3 Распределение ответов на вопрос «Скажите, на каком языке Вы обычно общаетесь в семье, дома?»

В отличие от большинства постсоветских республик, где положительная динамика титульного языка достигается за счет молодежи, в Беларуси молодежь говорит по-белорусски значительно реже, чем старшее поколение. Доля молодых людей, общающихся дома на белорусском языке, не превышает 4%, причем в отдельные годы она опускалась ниже 1%.

Не способствует смене тренда и ситуация в образовании: число школ, обучающихся на белорусском, сокращается; более того, в стране нет ни одного университета с полным циклом преподавания на белорусском. Впрочем, примерно с середины 2010-х годов в РБ был взят курс на повышение роли белорусского языка: школьные учебники географии и истории Беларуси были переведены на белорусский (хотя данное нововведение зачастую игнорируется на местах), белорусский язык вытеснил русский в транспорте, рекламе, указателях, что привело к известному напряжению в отношениях с Россией (российского посла, обратившего внимание на соответствующую тенденцию, отозвали по настоянию белорусской стороны).

Данные по Минску свидетельствуют о практически полном отсутствии там говорящих дома исключительно по-белорусски, однако таких мало и в стране в целом (начиная со второй половины 2012 г. их доля колеблется в диапазоне от 1 до 5%).

Вторая группа

Казахстан. По закону «О языках в Республике Казахстан» от 1997 г. в государственных учреждениях Казахстана русский язык применяется наравне с казахским. Соответствующее положение русского языка закреплено и в ст. 7 Конституции РК.

Осенью 2017 г. в Казахстане было принято окончательное решение о переходе к 2025 г. с кириллицы, используемой с советских времен для письма на казахском, на латиницу, что в перспективе нескольких десятилетий может привести к размежеванию графики русского и казахского языков на уровне пользователей.

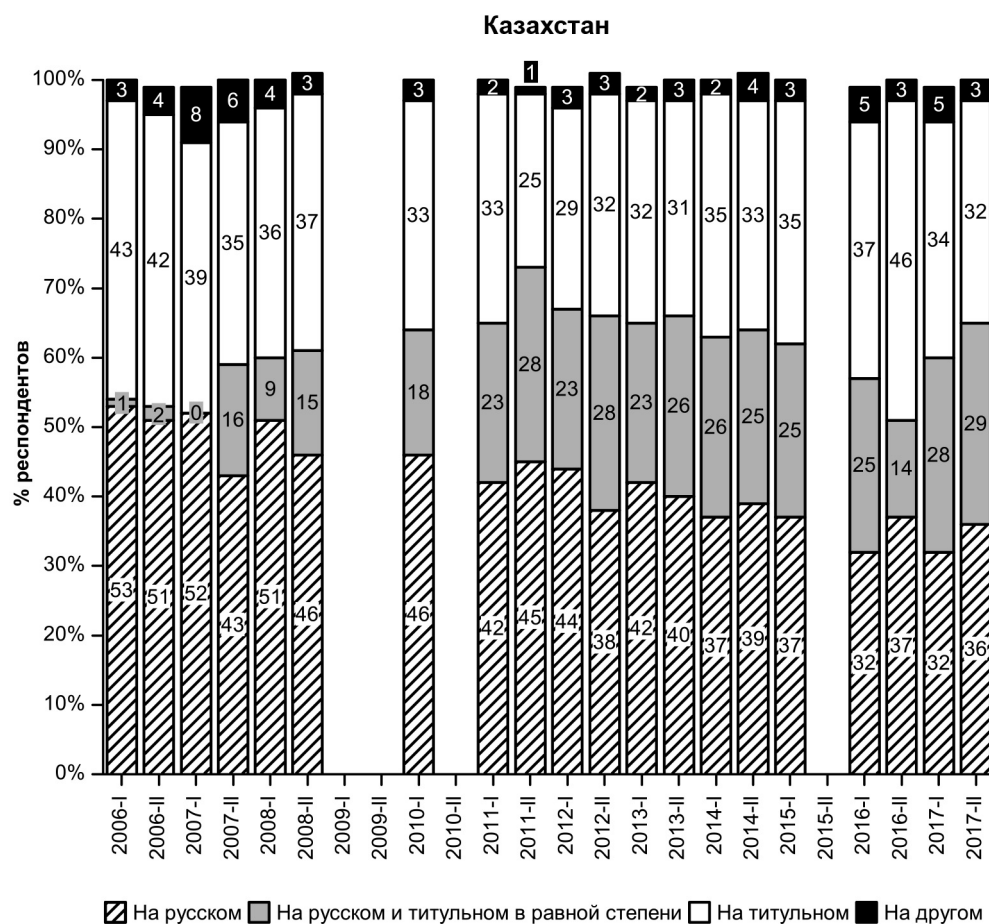
В связи с радикальным сокращением после 1991 г. доли этнических русских в стране довольно резко снизилась и доля общающихся в быту исключительно по-русски при параллельном росте двуязычия. За период с 2007 по 2017 г. доля билингв в Казахстане увеличилась с 16 до 29% (см. *рис. 4*). При этом тренд использования казахского языка до 2012 г. был отрицательным, а потом сменился на противоположный. Тренд использования русского языка устойчиво отрицательный.

Важно отметить, что хотя статус русского языка закреплен в Конституции РК, на широту его применения значительное влияние оказывают общественные настроения и, в частности, агрессивное отношение к русскоговорящим со стороны местных «национал-патриотов», практически стигматизирующих их.

Можно констатировать движение Казахстана от преимущественного использования русского языка в городах и казахского в сельской местности к двуязычию в городах. Это связано, вероятно, с продолжающейся урбанизацией страны.

С 2008 г. невероятно быстрый рост двуязычия — с 15 до 46% — можно наблюдать в Нур-Султане (бывшей Астане), причем данный тренд сопровождается падением использования как исключительно русского

Рисунок 4 Распределение ответов на вопрос «Скажите, на каком языке Вы обычно общаетесь в семье, дома?»

(с 55 до 36%), так и исключительно казахского (с 25 до 16%). Подобная динамика, по-видимому, объясняется тем, что Астана стала столицей лишь в 1997 г. и значительную часть ее жителей составляют работники государственных органов и различного рода публичных структур, которые по долгу службы обязаны владеть и русским, и казахским.

Использование русского языка среди молодежи РК падает. Так, если в 2007 г. исключительно по-русски говорили дома 40% молодых казахстанцев, то в 2017 г. их доля составила лишь 30% — при одновременном увеличении двуязычия. Однако насколько устойчивой окажется в Казахстане двуязычная модель межличностного общения, пока сказать трудно.

Украина. На протяжении всех лет независимости вопрос о русском языке и его преподавании занимал существенное место в политической повестке Украины. Хотя ст. 53 Конституции гарантирует представителям национальных меньшинств обучение на родном языке, функционирование русских школ в стране постоянно ставилось под сомнение. Несмотря на то что положение русского языка было закреплено в Декларации прав национальностей Украины (1991) и законах «О национальных меньшинствах на Украине» (1992) и «О ратификации Европейской хартии региональных языков» (2003), в ряде регионов *de facto* происходило постепенное сокращение числа русских школ.

В 2004 г. президент Виктор Ющенко анонсировал указ «О защите прав граждан на использование русского языка и языков других национальностей Украины», однако он так и не был подписан.

С принятием в 2012 г. закона «Об основах государственной языковой политики», введившего понятие «региональный язык» (который мог использоваться наравне с государственным там, где на нем говорило более 10% жителей), в статус русского языка, казалось бы, была внесена ясность. Но 23 февраля 2014 г., то есть на следующий день после смены власти в Киеве, закон этот был отменен Верховной радой. Дискуссии по его поводу, правда, велись еще несколько лет, пока в феврале 2018 г. Конституционный суд Украины не признал его неконституционным.

Новый языковой закон, принятый 25 апреля 2019 г., лишил русский язык статуса языка межнационального общения. Этим статусом теперь обладает только украинский язык, который должен использоваться практически во всех сферах жизни за исключением личного общения и отправления религиозных обрядов. В частности, законом были установлены квоты для СМИ, где украиноязычный контент должен составлять не менее 50% (в случае газет и журналов) или даже 90% (в случае теле- и радиовещания).

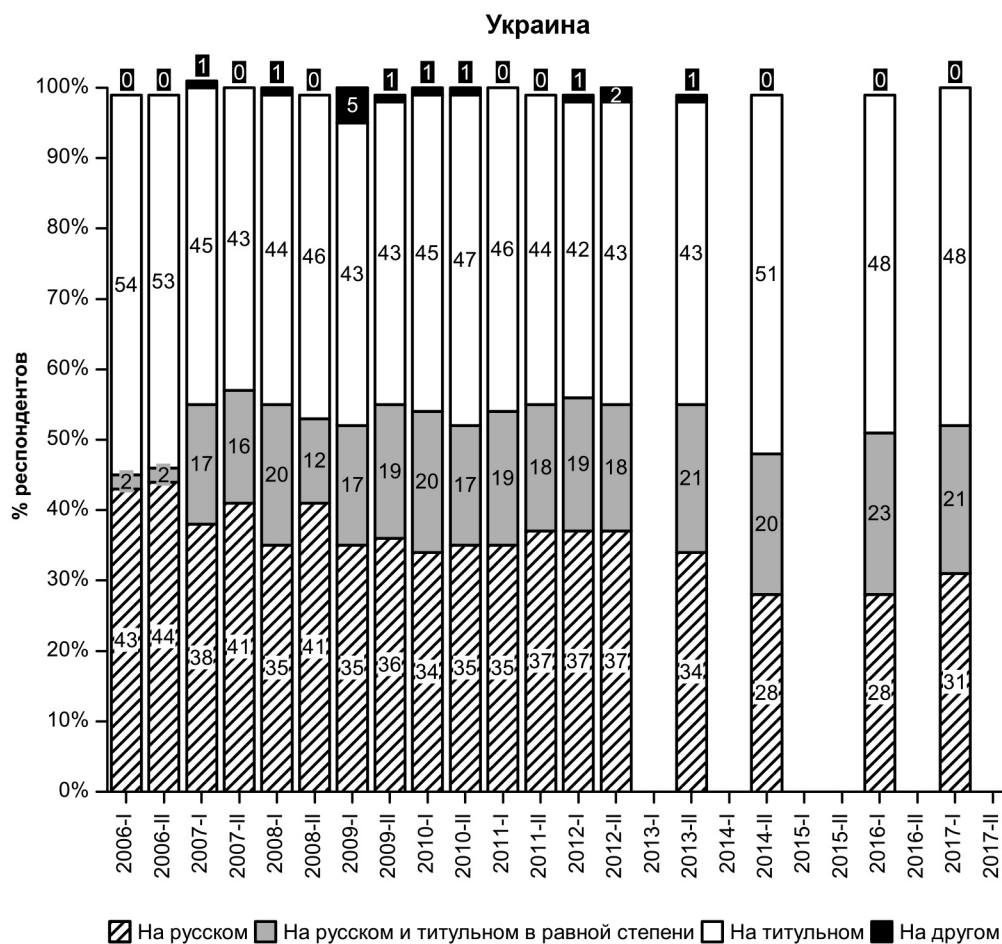
В период с 2007 по 2013 г. общая статистика по стране показывает стабильное положение украинского языка, медленное падение показателей русского языка и рост двуязычия (см. *рис. 5*). После 2013 г. просматривается некоторое увеличение доли говорящих по-украински, снижение доли исключительно русскоязычных и сохранение прежних темпов роста двуязычия.

До 2009 г. доля украиноязычных среди молодежи снижалась; обратный тренд отчетливо обозначился лишь пять лет спустя, в связи с событиями 2014 г. Русский язык на протяжении всего периода терял свой удельный вес в молодежной среде, а явно растущей группой были билингвы.

Киев в целом остается русскоязычным городом. Согласно опросам 2008 и 2012 гг., по-русски дома тогда говорили 66–67% киевлян, 16–17% использовали украинский, а 16% были двуязычными. Опрос весны 2013 г. дал сходный процент общающихся исключительно на

украинском, но доля двуязычных выросла до 42%, а доля говорящих только по-русски упала до 36%. Столь резкое изменение последних двух показателей, вероятно, связано с широчайшей пропагандой интеграции с ЕС в первой половине 2013 г., что, учитывая уровень политической активности граждан Украины, не могло не отразиться на ответах жителей столицы.

Рисунок 5 Распределение ответов на вопрос «Скажите, на каком языке Вы обычно общаетесь в семье, дома?»

Латвия. После отделения от СССР в Латвии, где по состоянию на 1989 г. к титульной нации принадлежали лишь 52% жителей, а 34% составляли русские, было восстановлено действие Конституции 1922 г.

Лица, переселившиеся в республику в 1940—1989 гг., были лишены права на автоматическое приобретение латвийского гражданства, получив крайне неопределенный статус «неграждан».

В 2004 г. в Латвии прошла школьная реформа, установившая норму преподавания на латышском языке, в том числе в школах национальных меньшинств, не менее 60%.

Динамику использования русского языка в Латвии можно охарактеризовать как стабильную. В 2007—2012 гг. четко видна тенденция к поляризации общества: в этот период росла как доля использующих дома исключительно латышский (в 2012 г. — 59%), так и доля говорящих только по-русски (в 2012 г. — 41%) при сокращении двуязычия. С 2009 по 2011 г. в Риге было закрыто 11 русских школ, а сам вопрос об использовании русского языка приобрел еще более политизированный характер, что, вероятно, и спровоцировало поляризацию ответов респондентов.

Данные по Риге за 2008, 2010 и 2012 гг. показывают, что предпочтение русскому перед латышским тогда отдавали 63% рижан. Двуязычных в Риге крайне мало, лишь несколько процентов. Помимо очевидной поляризации по этническому признаку можно отметить постоянное снижение доли говорящих по-латышски: если в 2008 г. их было 39%, то в 2010 г. — 37%, а в 2012 г. — 35%. В целом можно констатировать, что в середине 2010-х годов Рига была преимущественно русскоговорящим городом, социально-экономическая активность в котором, в отличие от страны *per se*, стимулировала использование русского языка.

Третья группа

Эстония. На момент распада СССР по своему национальному составу Эстония напоминала Латвию: соотношение представителей титульной нации и русских там составляло 61% к 30%. Как и в Латвии, в Эстонии была восстановлена довоенная Конституция (1938 г.), а население республики, чьи предки не имели эстонского гражданства, не получило гражданских прав, перейдя в категорию «неграждан».

Вероятно, главным из принятых в изучаемый период законом, непосредственно повлиявшим на баланс в языковой сфере, является Закон о языке 2011 г., ужесточивший контроль в области публичного использования языка. Среди установленных этим законом требований можно упомянуть, в частности, перевод на эстонский всех вывесок, а также снабжение сайтов иностранных компаний разделами на эстонском языке с идентичным контентом.

В архиве ЕМ представлены данные только трех проведенных в Эстонии опросов — 2007, 2008 и 2012 гг. Согласно этим данным, доля говорящих исключительно по-русски составляла в республике 27—30%, а исключительно по-эстонски — 67—72%.

Данные по молодежи демонстрируют отчетливую тенденцию к укреплению позиций эстонского языка. Если 2007 г. об общении дома

на эстонском сообщали 66% респондентов до 25 лет (что на 1,5 п.п. ниже общих показателей по стране), то в 2008 г. — уже 76%. Разумеется, при отсутствии экстраординарных событий за один год такие изменения произойти не могли, и здесь, по-видимому, немаловажную роль сыграла жесткая поляризация общества по вопросу о переносе памятника советским воинам из центра Таллина на Военное кладбище. Однако в 2012 г. об использовании дома исключительно эстонского языка заявили уже 84% молодых жителей страны.

Языковая ситуация в Таллине отчасти напоминает ситуацию в Риге, но без присущего той решительного перевеса русского языка. В 2013 г. около 51% таллинцев разговаривали дома исключительно по-эстонски, а чуть менее 49% — исключительно по-русски. То есть мы видим жесткое разделение на две языковые группы с минимальной (менее процента) прослойкой использующих оба языка.

Киргизия. Исторически Киргизия делится на две части — южную, в которую входят Баткенская, Ошская и Джалал-Абадская области, и северную, к которой относятся столица страны Бишкек, Чуйская, Таласская, Иссык-Кульская и Нарынская области. На протяжении всего периода независимости именно баланс между Югом и Севером играл ведущую роль в политической жизни страны.

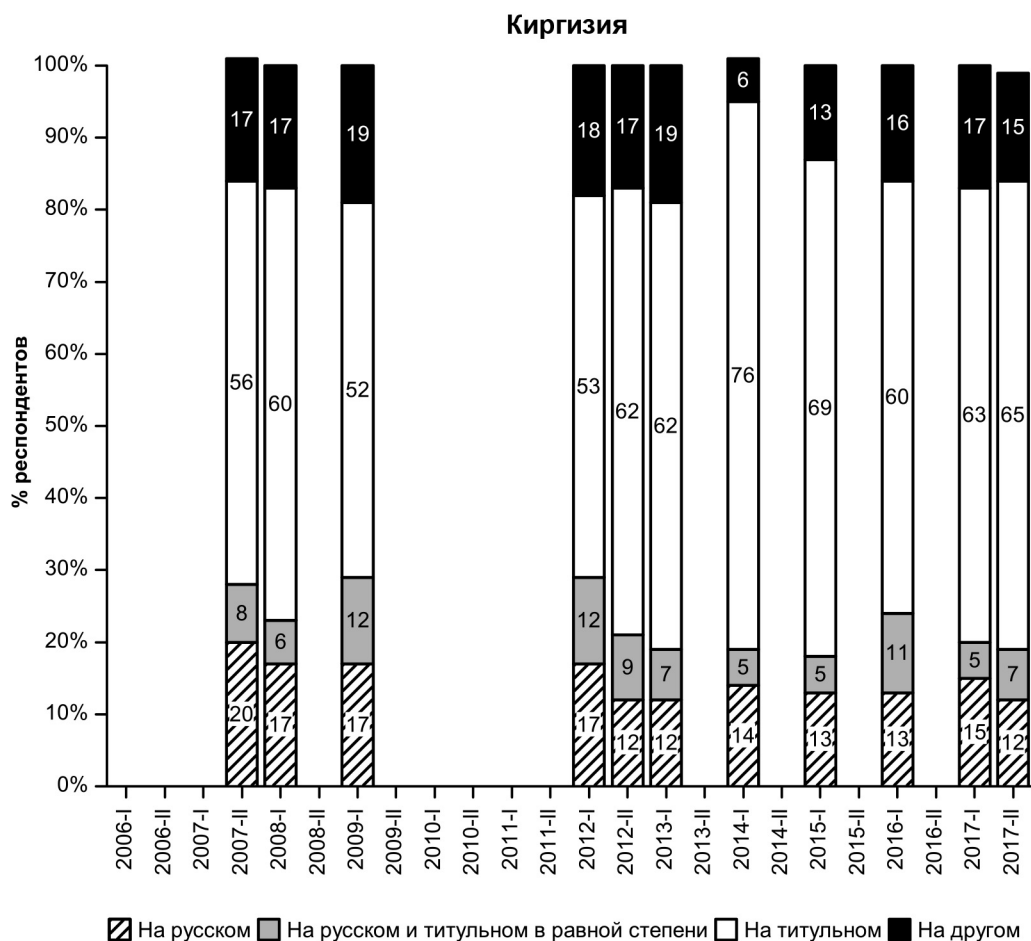
Крупнейшим автохтонным меньшинством в Киргизии являются узбеки, проживающие преимущественно в ее южных областях. На севере республики крупнейшее меньшинство составляют русские. Отсюда ключевая разница в языковом отношении: на севере страны чрезвычайно широко распространен русский язык, там существует полноценная языковая среда (о чем свидетельствует, в частности, активное применение идиоматических конструкций), и огромное число «северян» считает русский своим основным языком.

В целом доля русскоязычных в Киргизии сокращается: если в период с 2007 по 2012 г. их в среднем было порядка 18%, то в 2012–2017 г. — лишь 13% (см. *рис. 6*).

Серьезную поддержку русскому языку оказывают законодательство и образовательная практика. Согласно ст. 10 Конституции КР, за русским языком закреплен статус официального. В отличие от многих других бывших советских республик, в Киргизии школы редко бывают чисто русскими или киргизскими — в большинстве из них есть как русские, так и киргизские классы, что сглаживает территориальную неравномерность в распространении русского языка.

Языковая ситуация в Бишкеке принципиально отличается от типичной для страны в целом: средняя доля общающихся дома на русском или на русском и киргизском в равной степени там составляет 56%, а говорящих исключительно по-киргизски — менее 41%. По доле русскоязычных Бишкек занимает одно из первых мест среди столиц северо-евразийских стран, и это при том, что русские составляют в нем порядка 16%.

Рисунок 6 Распределение ответов на вопрос «Скажите, на каком языке Вы обычно общаетесь в семье, дома?»

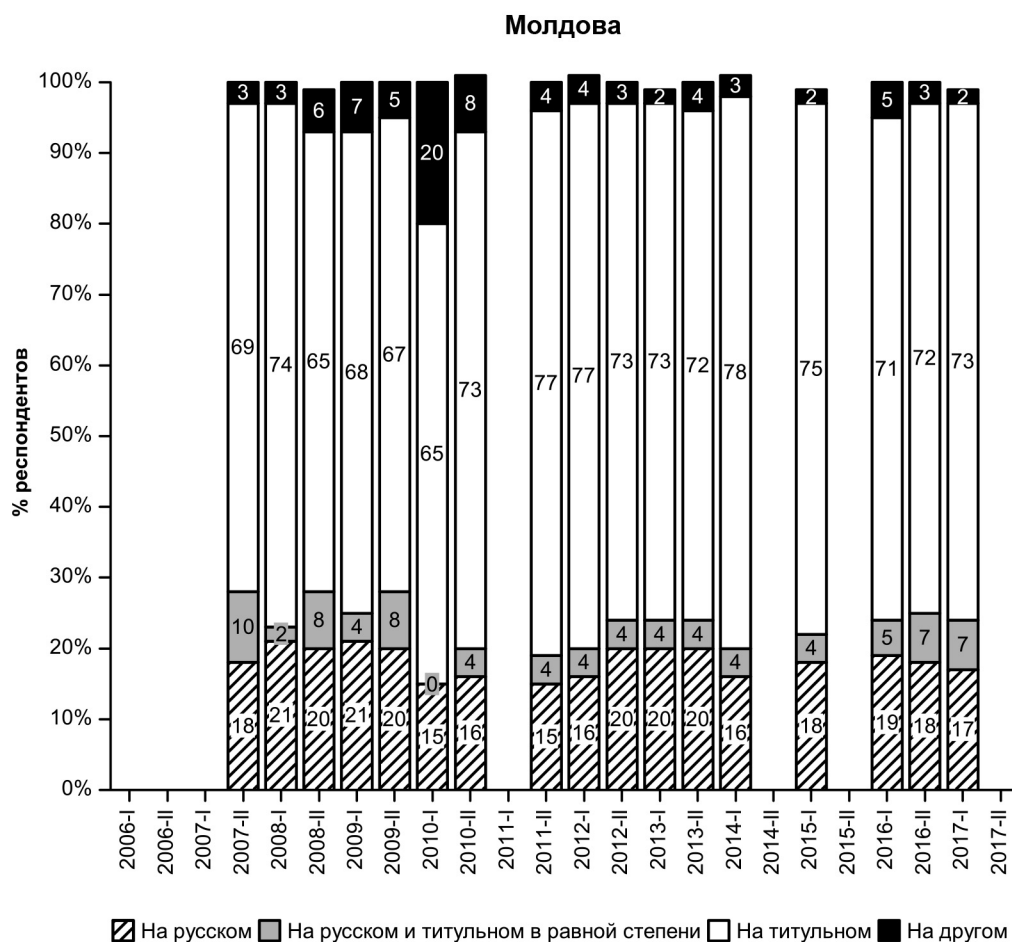

Молдова. До лета 2018 г. статус русского языка в стране определялся законом «О функционировании языков на территории Молдавской ССР» 1989 г., в котором русский язык характеризовался как язык международного общения, однако 4 июня 2018 г. Конституционный суд Молдовы отменил этот закон как «бесполезный и устаревший». Вероятно, в будущем будет принят закон, который уменьшит долю русского языка в школе либо вообще запретит обучение на русском; возможно также введение языкового регулирования СМИ.

В принципе динамика использования русского языка в быту на территории Молдовы довольно стабильна (см. *рис. 7*). Средняя за

период наблюдений доля говорящих дома исключительно по-русски — 18%, по-молдавски — 72%, по-русски и по-молдавски — 5%, на других языках — 6%.

Рисунок 7 Распределение ответов на вопрос «Скажите, на каком языке Вы обычно общаетесь в семье, дома?»

Важно, что по крайней мере с 2012 г. среди молодежи наблюдался понижающий тренд в использовании молдавского языка при относительно стабильном использовании русского и росте двуязычия. В целом, несмотря на не самые высокие показатели русского языка в стране (необходимо, впрочем, учитывать, что данные опросов не учитывают ситуацию в русскоязычном Приднестровье), русский язык чувствует

себя там весьма уверенно и даже демонстрирует возможности для некоторого роста, реализация которых зависит в первую очередь от того, насколько перспективным он будет выглядеть в глазах жителей Молдовы с точки зрения трудовой миграции. Фактически речь идет о степени привлекательности российского рынка труда по сравнению с соответствующим рынком Румынии и, шире, ЕС.

Особенно велика роль русского языка в Кишиневе. В среднем в бытовом общении его используют здесь 30% жителей, 60% говорят по-молдавски, а 8% — на двух языках. Такая ситуация типична для столиц бывших республик СССР с полиэтничным населением, при этом в Кишиневе прослеживается тенденция к увеличению использования исключительно молдавского языка.

Четвертая группа

Азербайджан. Этнический облик Азербайджана за последние 80 лет претерпел кардинальные изменения: если в 1939 г. азербайджанцы составляли там лишь 58% населения, то по переписи 2009 г. их доля достигла 92%.

Только по-азербайджански говорят дома от 80% до 90% жителей АР. И хотя после 2007 г. наблюдался некоторый рост двуязычия, примерно на стыке десятилетий он прекратился, и доля данной группы стала возвращаться к прежним значениям.

Ситуация в языковой сфере в Азербайджане регулируется законом «О государственном языке» 2002 г. Этот закон, переведший все делопроизводство на азербайджанский язык, изобилует расплывчатыми формулировками (особенно в ст. 1.2), что ведет к большому числу эксцессов исполнителей. Так, почти сразу после его принятия русский язык был выведен из многих областей публичной жизни — в частности, практически полностью исчезла наружная реклама на русском языке. Закон часто трактуется чиновниками как ограничивающий теле- и радиовещание на любом языке, кроме азербайджанского (при том что радиовещание на русском сохранилось). Но главное — единственным языком образования в Азербайджане стал азербайджанский.

Следует отметить, что предыдущий языковой закон, подписанный в 1992 г. еще Абульфазом Эльчибеем, допускал использование в стране «приемлемых иностранных языков» (то есть всех, кроме армянского). Таким образом, можно говорить о заметном ужесточении законодательной базы по отношению к иным, в том числе русскому, языкам.

В среднем за период наблюдений доля молодых людей до 25 лет, говорящих в семье по-азербайджански, составляет 86%. Как следует из общих показателей языковой ситуации в Азербайджане, культурная среда там полностью азербайджаноязычная, и использование русского языка в разных возрастных группах варьирует не очень заметно.

Серьезное отклонение в сторону русскоязычия наблюдается в Баку. Здесь исключительно по-русски в 2008 г. говорили 18% жителей, а по-русски и по-азербайджански — 31%. К 2012 г. эти показатели

опустились до 8 и 20% соответственно, однако сомнительно, чтобы за такой короткий период могло произойти демографическое замещение (хотя происходит и оно, в столицу переезжают жители других регионов Азербайджана, которые зачастую просто не владеют русским языком). К сожалению, опросы ЕМ не обеспечивают данных по Баку за каждый год, которые могли бы подтвердить наличие столь резкой нисходящей динамики. Не исключено, что одной причиной подобных колебаний стало изменение общественной нормы.

Армения. На момент распада СССР Армения являлась наиболее этнически гомогенной республикой, причем, в отличие от Азербайджана, динамика национального состава здесь была крайне слабо выраженной. В результате конфликта в Нагорном Карабахе и последующей миграции населения гомогенность Армении еще больше усилилась. Согласно переписи 2011 г., доля армян в республике достигает 98%.

Положение языков в Армении регулирует закон «О языке» 1993 г. В соответствии с этим законом, языком преподавания в РА является литературный армянский, а преподавание на других языках допускается только в общинах национальных меньшинств.

Среднее значение доли использующих дома исключительно армянский, в том числе среди молодежи до 25 лет, составляет 96%. Таким образом, русский язык в бытовой жизни практически не представлен, а совершенно мизерный процент общающихся по-русски демонстрирует тенденцию к дальнейшему снижению.

В отличие от Баку, языковая ситуация в Ереване в целом очень близка к общей по стране. По разным опросам доля говорящих по-армянски там колеблется от 91% до 99%. Особо хочется отметить крайне низкую долю столичных жителей, использующих исключительно русский язык: она не превышает 1,5%.

Армянская молодежь использует русский язык очень ограниченно и не отличается в этом плане от иных возрастных групп, при том что старшее поколение, прошедшее через советскую школу, в своем большинстве все же в той или иной степени владеет русским языком.

Грузия. Имеющиеся в нашем распоряжении данные опросов позволяют констатировать постоянно возрастающий тренд использования в бытовом общении исключительно грузинского языка: если в 2007 г. по-грузински дома говорили 87% жителей страны, то в 2015 г. — уже 96%. При этом после событий 2008 г. заметно упало число говорящих не только по-русски, но и на других языках.

Тбилиси во все годы наблюдений являлся даже более грузиноговорящим, чем страна в целом. Среди молодежи показатель разговаривающих дома по-грузински стабильно выше 90%. За исключением осени 2016 г., доля общающихся в семье только по-русски не превышала в этой возрастной категории 1%. Исходя из этого можно предположить,

что и так плохо владеющая русским Грузия будет и дальше уходить от русского языка, сфера употребления которого сжимается, как шагреновая кожа.

Таджикистан. На протяжении всего периода наблюдений доля говорящих дома исключительно по-русски в Таджикистане сокращалась. Частично такую динамику можно объяснить демографическим замещением населения (причем не столько по причине смерти или отъезда русскоязычных граждан, сколько за счет повышенной фертильности мусульманских народов РТ). В пользу этого свидетельствует, в частности, тот факт, что если в среднем в Таджикистане по-русски говорят 2%, то среди молодежи — лишь 1%. На севере страны распространен узбекский язык. В ходе некоторых опросов доля общающихся дома не на русском и не на таджикском достигала 15%.

Важно отметить, что с 1999 г. с карты Таджикистана постепенно исчезали русскоязычные топонимы. Процесс этот завершился в 2016 г. переименованием Чкаловска — последнего населенного пункта с русским названием.

В Душанбе таджикский язык используется даже в большей степени, нежели в стране в целом: если среднее за годы наблюдений значение доли говорящих исключительно по-таджикски в РТ — 85%, то в Душанбе — 86%. При этом здесь выше и доля русскоязычных, составляющая в среднем примерно 12% населения. В свою очередь, среди жителей Душанбе очень мало говорящих на других языках, что, по-видимому, объясняется тем, что для крупнейшего этнического меньшинства Таджикистана — узбеков, компактно проживающих на севере страны, — функциональной альтернативой государственной столице является Худжанд.

Узбекистан. За годы независимости статус русского языка в Узбекистане несколько раз менялся, но в целом политика государства по отношению к нему была недружелюбной. Уже в 1989 г. русский там потерял статус государственного и стал языком межнационального общения, а в 1995 г., после принятия закона «О государственном языке Республики Узбекистан», лишился и этого статуса. Вместе с тем, согласно этому закону, в коллективах, где большинство не владеет узбекским языком, делопроизводство могло вестись не только на государственном, но и на других языках, в том числе на русском (ст. 10), разрешалось и использование его в нотариальных документах (ст. 12). По факту допускать и преподавание на русском языке, и в 2010-е годы до 10% учащихся посещали русские школы. Однако весной 2020 г. Министерство юстиции республики объявило ведение делопроизводства не на узбекском нарушении закона о языке, выступив с предложением штрафовать за него. Если это предложение будет принято, русский язык, скорее всего, уйдет не только из делопроизводства, но и из школ.

С учетом все более выраженного (в связи с отъездом русских, немцев и казахов) мононационального состава населения Узбекистана естественен высокий показатель использования узбекского языка — доля говорящих на нем в быту здесь составляет от 75 до 85%. При этом общающихся на иных языках становится все меньше, а двуязычие практически отсутствует.

Среди молодежи использующих узбекский язык даже больше, чем в среднем по стране, причем превышение соответствующего показателя здесь достигает порой почти 7 п.п.

На фоне республики в целом резко выделяется Ташкент. И хотя ввиду громадного разброса значений (в разные годы доля в той или иной степени использующих русский язык там варьирует в диапазоне от 30 до 60%) данные опросов по Ташкенту выглядят не очень надежными, не вызывает сомнений, что в городе сохраняется немало русскоязычных. Их костяком являются этнические русские, которые все еще составляют около 20% населения Ташкента.

Литва. По своему национальному составу Литва принципиально отличается от других прибалтийских республик: по состоянию на 1989 г. к титульной нации принадлежало там 80% населения, а русских было лишь 9%. Решающий перевес литовцев позволил Литве обойтись без такого инструмента, как «негражданство», — права граждан получили все ее жители.

Еще в 1989 г. в Литве был принят закон «О национальных меньшинствах», который гарантировал возможность получать начальное и среднее образование на родном языке. Однако в 2010 г. закон этот был отменен, и в 2011 г. вступил в силу закон «Об образовании», в котором уже не предусматривалась возможность обучения на национальном языке.

В среднем по стране исключительно на литовском общаются 87% граждан, только на русском — 5%, на русском и литовском — 2,5%, на других языках (преимущественно польском) — 5%.

Вильнюс значительно меньше использует литовский, чем остальная страна. Исключительно по-литовски здесь говорят дома 63% жителей, только по-русски — 18%, на других языках — 10% (что неудивительно, ведь еще в 2001 г. почти 19% населения города составляли поляки).

В целом Литва с самого начала говорила в основном на литовском, а русский заметно присутствовал лишь в столице. Динамика в молодежной среде, а также закон «Об образовании» свидетельствуют о негативном тренде использования русского языка в стране, но в принципе ситуация остается стабильной.

Особенности функционирования русского языка в различных социально-демографических группах

В процессе обработки данных авторам бросились в глаза явные различия в использовании русского языка в разрезах «столица — провинция», «молодежь — старшее поколение», а также между группами с разным уровнем образования (см. табл. 3). Почти во всех странах столичные жители и лица с высшим образованием употребляют русский чаще остальных. В свою очередь, среди молодежи большинства стран говорящих по-русски меньше, чем в старших поколениях.

Таблица 3 Распространенность русского языка в бытовом общении в отдельных социально-демографических группах (в среднем за период 2006–2017 гг.)

Страна	<i>Доля респондентов, общающихся дома на русском или на русском и титульном языках в равной степени</i>			
	<i>Население в целом</i>	<i>Молодежь</i>	<i>Лица с высшим образованием</i>	<i>Жители столиц</i>
Россия	96%			
Беларусь	94%	97%	97%	98%
Казахстан	62%	60%	63%	78%
Украина	53%	54%	59%	78%
Латвия	43%	37%	40%	60%
Эстония	31%	24%	32%	50%
Молдова	23%	20%	30%	40%
Киргизия	23%	26%	31%	60%
Азербайджан	15%	15%	29%	40%
Литва	8%	8%	8%	26%
Узбекистан	7%	6%	16%	27%
Таджикистан	6%	6%	9%	12%
Армения	4%	3%	7%	7%
Грузия	3%	3%	3%	6%

Столицы. Абсолютно для всех бывших советских республик характерно повышенное использование русского языка в домашнем общении в столице по сравнению со страной в целом, причем в некоторых случаях (Киргизия, Украина, Азербайджан) разрыв составляет более 20 п.п. Минимальная разница наблюдается либо в странах, где практически не говорят по-русски (в Армении соответствующие показатели по стране в целом и по столице составляют 4 и 7%; в Грузии —

3 и 6%), либо там, где русский язык широко распространен повсеместно (Беларусь — 94 и 98%; Казахстан — 62 и 78%).

В известной мере можно сказать, что возможность общения на русском языке и «столичность» («территориальная элитарность») во многих странах являются связанными между собой характеристиками.

Лица с высшим образованием. Согласно ряду предварительных исследований постсоветской элиты, русский язык выступает универсальным средством коммуникации в профессиональной среде, определенным маркером образованности. Как заметил президент Кыргызстана Сооронбай Жээнбеков, делясь личным опытом изучения и использования русского языка, «русский язык... стал окном в большой мир науки, знаний, литературы и искусства»¹³. По данным опросов, среди лиц с высшим образованием русский язык действительно распространен обычно шире. В какой-то степени это объясняется тем, что среди русских, проживающих в странах бывшего СССР, получивших высшее образование больше, чем среди титульного населения (русские сконцентрированы в основном в городах). Вместе с тем необходимо учитывать, что само получение высшего образования часто связано с овладением русским языком (русскоязычные программы, обучение в России и т.п.).

¹³ <https://ria.ru/20171108/1508373502.html>.

В целом можно констатировать, что для подавляющего числа стран Северной Евразии русский остается главным языком науки и образования. Однако серьезную конкуренцию ему здесь составляет английский, который в случае исчезновения русскоязычной среды способен серьезно потеснить его в этой сфере.

Молодежь. Возрастной аспект, бесспорно, является основным фактором динамики в структуре использования русского и иных языков. Важно понимать, что, в отличие от образования или гуманитарного сотрудничества, создание русской языковой среды в тех или иных регионах и изменение тренда в молодежных кругах практически невозможны без опоры на институциональный каркас государства. Так, за время наблюдений ЕМ состав опрашиваемой молодежи сменился полностью, а это значит, что люди, овладевшие русским уже в постсоветский период и, как правило, хуже знающие его, заполняют уже не только молодежную, но и более старшие когорты населения.

Если рассматривать весь период опросов, то лишь в трех странах доля молодых людей, говорящих дома по-русски, превышает среднюю по стране — в Беларуси, Киргизии и на Украине. Если же сосредоточиться на 2012—2017 гг., то картина еще грустнее: в связи с кризисом в российско-украинских отношениях из списка выпадает Украина. Необходимо, впрочем, учитывать, что за изменением фиксируемой в опросах ситуации в этой стране стоят не только объективные обстоятельства (изменение школьной программы, блокировка российских социальных сетей, своеобразная мода на использование украинского

языка в повседневном общении), но и субъективный фактор (давление социальной нормы, ведущее, в частности, к идентификации собственной речи как украинской в зонах распространения «суржика»).

Причины повышенного использования русского языка среди молодежи в Беларуси и в Киргизии разнятся. Если в Беларуси они кроются прежде всего в отсутствии белорусскоязычной среды, то в Киргизии речь идет о соединении ряда факторов, таких как интеграция в рамках ЕАЭС, трудовая миграция в Россию, в условиях низких социально-экономических показателей самой Киргизии ставшая одним из важнейших социальных лифтов, ведущая роль русского языка в столице, а также проводимая в стране политика в сфере образования.

Ключевую роль в балансе языков, безусловно, сыграл институт школы — советской для старших поколений и национальной для младших. Наибольший поколенческий разрыв в использовании русского языка наблюдается в Латвии и Эстонии, где проводится дискриминационная политика по отношению к русскоязычному населению. Здесь разница между средними показателями использования русского языка среди молодежи и жителей в целом приближается к 7 п.п.

В остальных странах, где языковая политика менее акцентирована, если вообще проводится, происходит медленное падение доли русскоговорящей молодежи с очевидной деградацией уровня владения языком либо стабилизация языкового баланса, что обычно бывает связано с изначально слабым распространением русского языка, массовым отъездом русскоязычных в более ранний период и другими подобными обстоятельствами.

Применительно к возрастному разрезу языковой ситуации немаловажное значение имеет так называемый «фактор 1975 г.»: люди, родившиеся до этого года и после, существенно различаются по уровню владения русским языком, так как первые успели пройти социализацию в советской школе, а вторые — нет (либо прошли ее не в полной мере).

Интернет-аудитория. Общеизвестно, что «столичность», высшее образование и молодой возраст относятся к числу факторов, повышающих вероятность и интенсивность пользования интернетом. В связи с этим следует отметить, что русский язык получил неожиданную поддержку от Рунета — русскоязычного сегмента мировой сети. По разным оценкам, использование ряда русскоязычных интернет-ресурсов (например, Википедии) в некоторых странах в разы превышает использование аналогичных ресурсов на титульных языках. Этот феномен, бесспорно, требует специального изучения, однако не упомянуть его в контексте различий в хождении русского языка в разных аудиториях, на наш взгляд, было бы неверным.

Общие выводы

Страны Северной Евразии довольно сильно различаются между собой с точки зрения динамики распространенности русского языка. Можно выделить три главные модели такой динамики:

- 1) стабильность (сохранение одного и того же уровня распространенности в течение длительного времени). Модель характерна прежде всего для стран с почти отсутствующим русскоязычным населением (Армения, Грузия, Узбекистан), а также для стран с высокой долей русского населения, но жесткой национальной политикой, ограничивающей использование русского языка (Латвия, Эстония);
- 2) сокращение (снижение доли населения, говорящего в быту по-русски, и рост общения на языке титульной нации). Модель характерна для стран с высоким уровнем миграции в Россию (Киргизия, Таджикистан), а также для Азербайджана; во всех указанных странах русскоязычие концентрируется преимущественно в столицах. К той же модели можно причислить эмиграционно активную Молдову, где при относительно стабильном уровне русскоязычного общения в целом зафиксировано его заметное снижение среди молодежи и людей с высшим образованием;
- 3) переход в двуязычие (увеличение доли общающихся в быту как на русском, так и на титульном языке при сокращении доли говорящих исключительно по-русски). Модель характерна для стран с самым многочисленным русскоязычным населением — Казахстана и Украины.

Уникальный случай представляет собой Беларусь, демонстрирующая тенденцию к росту общения на русском языке. В этом плане она отличается даже от России, где наблюдается статистически заметное снижение доли респондентов, заявляющих в ходе опросов об общении дома на русском языке.

К сожалению, объем опросных данных не позволяет делать выводы относительно динамики русскоязычия в Литве и Туркменистане, однако по косвенным экспертным оценкам Литву можно отнести к первой модели, а Туркменистан — ко второй.

При всех страновых различиях можно констатировать общий тренд на сокращение распространенности русского языка в Северной Евразии даже на исторически коротком временном промежутке в 12 лет.

На первый взгляд может показаться, что ключевую роль в распространности русского языка на постсоветском пространстве играет именно демографический фактор. На языковом балансе непосредственно сказываются два демографических процесса. Во-первых, это изменение национального состава и структуры населения в связи с эмиграцией русскоязычного населения, урбанизацией, разновекторной динамикой рождаемости и т.д., что не только уменьшает число носителей русского языка (как в абсолютном, так и в относительном выражении), но и разрушает языковую среду, тем самым порождая негативный мультипликативный эффект. Во-вторых, это смена поколений, которая влияет в первую очередь на уровень владения русским языком (младшие поколения обычно знают его хуже, чем старшие, прошедшие обучение в советской школе).

Однако выглядящий естественным нисходящий тренд, связанный с демографией, на деле во многом определяется *политическим фактором*. Динамика этого тренда может либо усиливаться, либо ослабляться в зависимости от политической обстановки и политических решений, определяющих как правовые рамки использования языка (делопроизводство, госуслуги, СМИ, образование и т.п.), так и социальные нормы его употребления в быту и неформальном общении.

При этом даже в случае активной дискриминационной политики по отношению к русскоязычным гражданам изменения в языковом балансе зачастую происходят гораздо медленнее, чем можно было бы ожидать (что, по-видимому, обусловлено «эффектом колеи»). Ситуация с русским языком во многих странах либо относительно стабильна, либо ухудшается со скоростью смены поколений, и определяющим условием репликации русскоязычия за пределами России является наличие русскоязычной среды общения (особенно в столицах).

Наряду с указанными выше факторами, провоцирующими медленное, но неуклонное снижение распространенности русского языка, существуют и факторы, работающие на сохранение или даже рост его использования. В их числе:

- трудовая миграция в Россию и последующее возвращение на родину мигрантов, уже привыкших общаться на русском языке;
- мода на русский язык в элитных группах отдельных стран;
- расширение пространства российских СМИ, развитие Рунета.

Разумеется, влияние этих факторов требует специального анализа, выходящего за рамки настоящей статьи. Прежде всего нуждается в изучении информационный фактор, то есть развитие общего информационного пространства на базе русского языка. Главным элементом этого пространства, способным поменять сложившийся тренд, причем в первую очередь в молодежной среде, выступает Рунет — один из крупнейших сегментов мирового интернета. Именно благодаря ему русский язык во многом остается для жителей Северной Евразии языком смыслов, на котором можно получить уникальный по качеству и форме контент, недоступный на иных языках данного пространства.

В связи с этим приоритетными направлениями поддержки русского языка в странах Северной Евразии являются гуманитарные и образовательные программы с максимальным охватом уже существующих русскоговорящих сообществ, укрепление роли русского языка как языка межнационального и межгосударственного общения (в том числе научного), а также всемерная поддержка Рунета как платформы русскоязычной коммуникации.

Библиография

Арутюнов С.А. и Н.Н.Чебоксаров. (1970) *Раса, популяция и этнос*. М.: ИКСИ АН СССР.

«Аудитория радиокompании „Голос России“ в странах бывшего СССР: Аналитический отчет-презентация». (2013) // *Евразийский*

монитор, 9.08. URL: <https://eurasiamonitor.org/issliedovaniia#ul-id-12-28> (проверено 23.07.2020).

«Показатели и индексы межгосударственного гуманитарного сотрудничества: Аналитический доклад». (2017) // *Евразийский монитор*, 17.11. URL: <https://eurasiamonitor.org/issliedovaniia#ul-id-7-8> (проверено 23.07.2020).

«Русский язык в новых независимых государствах: Аналитический отчет». (2007) // *Евразийский монитор*, 18.12. URL: <https://eurasiamonitor.org/issliedovaniia#ul-id-27-224> (проверено 23.07.2020).

«Русский язык на постсоветском пространстве: Сравнительное исследование распространенности». Аналитический отчет». (2009) // *Евразийский монитор*, 11.03. URL: <https://eurasiamonitor.org/issliedovaniia#ul-id-144-8> (проверено 23.07.2020).

I.V.Zadorin, I.V.Podobed
**RUSSIAN LANGUAGE
 IN NORTHERN EURASIA:
 POLITICAL AND DEMOGRAPHIC FACTORS
 OF ITS DISTRIBUTION AND USAGE**

Igor V. Zadorin — Head of the ZIRCON Research Group; Executive Director of the International Non-Profit Association of Research Companies “Eurasian Monitor”; Senior Researcher at the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. Email: zadorin@zircon.ru.

Ilya V. Podobed — Master Student at the National Research University *Higher School of Economics*. Email: dokrog@yandex.ru.

Abstract. The article examines the main trends in the usage of the Russian language on the territory of the Northern Eurasia (in the former Soviet Republics) and factors that explain the degree of its spread. The authors analyze distinguishing features and dynamics of the linguistic situation in each post-Soviet country (except Russia and Turkmenistan), describe the state of affairs in the capitals, among young people and people with higher education. The authors offer typology of the former Soviet republics according to the degree of spread of the Russian language.

Empirically, the study relies upon the data from the monitoring surveys of the population carried out by the International Association of Research Companies “Eurasian Monitor” in 2006—2017. The authors focus on the level

of usage of the Russian language in everyday communications, determined through the percentage distribution of answers to the question: “What language do you usually speak with you family, at home?” The study also used data on the legal status of the Russian language in various countries of the subcontinent, including the adopted legislation on language policy.

The analysis shows a general trend towards a gradual decrease in the spread of the Russian language in the countries of the former USSR, which is rooted in both demographic processes (a decrease in the share of the Russian population and generational change) and political factors (regulatory measures that restrict the use of the Russian language at work, media, education and affect its use in everyday life). At the same time, the authors highlight a number of factors that help to preserve and even strengthen the positions of the Russian language, including some sort of elitism in its usage and the development of Runet as a powerful platform for communication in Russian.

Keywords: post-Soviet states, Northern Eurasia, language policy, Russian language, Eurasian Monitor

References

Arutyunov S.A. and N.N.Cheboksarov. (1970) *Rasa, populjatsija i etnos* [Race, Population, and Ethnicity]. Moscow: IKSI AN SSSR. (In Russ.)

“Auditorija radiokompanii „Golos Rossii“ v stranakh byvshego SSSR: Analiticheskij otchet-prezentatsija” [Audience of the Voice of Russia Radio Company in the Countries of the Former Soviet Union: Analytical Report-Presentation]. (2012) // *EvrAzijskij monitor* [Eurasian Monitor], 9.08. URL: <https://eurasiamonitor.org/issliedovaniia#ul-id-12-28> (accessed on 23.07.2020). (In Russ.)

“Pokazateli i indeksy mezhgosudarstvennogo sotrudnichestva: Analiticheskij doklad” [Indicators and Indexes of Interstate Humanitarian Cooperation: Analytical Report]. (2017) // *EvrAzijskij monitor* [Eurasian Monitor], 17.11. URL: <https://eurasiamonitor.org/issliedovaniia#ul-id-7-8> (accessed on 15.07.2020). (In Russ.)

“Russkij jazyk na postsovetском prostranstve: Sravnitel’noe issledovanie rasprostranennosti. Analiticheskij otchet” [Russian Language in the Post-Soviet Space: A Comparative Study of Prevalence. Analytical Report]. (2009) // *EvrAzijskij monitor* [Eurasian Monitor], 11.03. URL: <https://eurasiamonitor.org/issliedovaniia#ul-id-144-8> (accessed on 15.07.2020). (In Russ.)

“Russkij jazyk v novykh nezavisimykh gosudarstvakh: Analiticheskij otchet” [Russian Language in the Newly Independent States: Analytical Report]. (2007) // *EvrAzijskij monitor* [Eurasian Monitor], 18.12. URL: <https://eurasiamonitor.org/issliedovaniia#ul-id-27-224> (accessed on 15.07.2020). (In Russ.)